

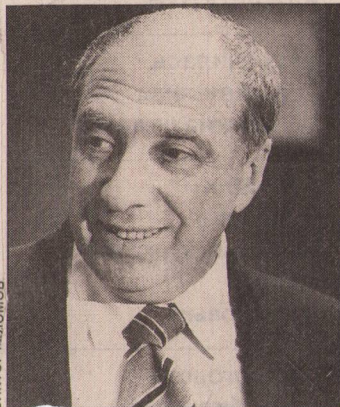
Сергей ЮРСКИЙ:

Мне всегда хватало свободы

Актер и режиссер Сергей Юрский теперь не частый гость Питера, но всегда желанный. На этот раз петербургская публика встречалась с артистом в Большом зале петербургской Филармонии. Накануне прошла репетиция. Репетиция не ладилась: были проблемы со светом, не готовым оказался нехитрый реквизит... Юрский начинал все снова и снова, на ходу меняя концепцию предстоящего концерта, объясняя что-то осветителям, уговаривая администраторов. Больше всего артиста беспокоил звук, его чистота. Он явно устал и нервничал, но оставался безупречно вежливым и доброжелательным, чем несказанно удивил филармонических абorigенов, привыкших к капризам знаменитостей и по более мелким поводам. А потом был великолепный концерт — звучали Пушкин, Гоголь, Маяковский...

— Вы пишете сами и, кроме того, активно занимаетесь переводами. Среди них — Ионеско.

— Я надеюсь, что как актер чувствую Ионеско лучше, чем переводчики, в совершенстве владеющие французским. Когда я читаю переводы Ионеско, мне кажется, что его переводят буквально, не вникая в актерскую природу этих пьес. И получается белиберда. А ведь речь идет о те-

атре абсурда — высокой трагической, надрывно печальной поэзии. Вы спрашиваете об абсурде в жизни? Его всегда полно. Вот я приезжаю в Петербург, к которому, хоть тресни, не «липнет» это название, и вижу на площади лозунг: «Город-герой Ленинград». Абсурд! Еще — «Высокая мода Италии!» А вокруг разруха, вокруг грязь. Это ли не абсурд! Поэтому я предпочитаю абсурд театральный, инструмент, которым пользуется автор, например Ионеско, чтобы рассказать о жизни, о идеях. В XIX веке этот «инструмент» применяли осторожно и немногие — Достоевский, Гоголь... Но абсурд XX века — апелляция к аудитории, воспитанной на изменившейся скорости жизни, на телевизоре и компьютерах.

(Окончание на 8-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Если вы заговорили о родном городе — о Петербурге, не могу не спросить: каким он теперь вам видится?

— Вы сказали главное — это мой родной город, и потому мне больно самому, если здесь что-то не так. Меня тревожат бездомные собаки, бездомные люди, меня тревожат бесхозные дома и редко ходящие электрички... Об этом можно много говорить. Не хочу... А шпиль Адмиралтейства по-прежнему прекрасен.

— А публика, петербургская публика, она отличается от вашей же ленинградской?

— Вы знаете, к счастью, нет. Мне удалось сохранить зрителя. Я даже не возраст имею в виду, хотя в зале очень много молодежи. Важен настрой, дух, соучастие. Я давно не выступал здесь с концертами — а взаимное притяжение проверяется именно на них.

— Олег Басилашвили, с которым вы когда-то работали в БДТ, недавно в интервью «Известиям» сказал, что антреприза вытесняет репертуарный театр. Вы согласны?

— Нет. Репертуарный театр — российское явление, которое можно и нужно сохранять. Для этого, поверьте, есть силы. Антреприза же — явление вынужденное. Даже «Калифорнийская сюита» в БДТ — спектакль антрепризный по замыслу. Если играть пьесы, рассчитанные на двух-трех исполнителей, антрепризы, то театр помельчает. Я актер стационарного театра и мечтал бы попробовать поставить масштабную пьесу. Антреприза должна существовать вместе с репертуарным театром, а не вместо него.

— Но театральные критики сплошь и рядом оптимистично говорят о победе антрепризного театра...

— Вы знаете, мне кажется, что они перестали чувствовать театр. Критики творят свою историю театра, иногда очень талантливую, но не имеющую ничего общего с его реальным развитием. Их не интересует зритель — они его презирают, их не интересует актер — они к нему относятся снисходительно, их волнует «самовыявление» режиссера. Этот сговор критики и режиссуры, распоясавшийся к концу века, меня тревожит. Когда я читаю «Дневник жизни» Комиссаржевской, я восхищаюсь. Она играет два представления, и один и тот же критик пишет об обоих выступлениях, сравнивая их, сопоставляя с предыдущими. Где это теперь? А любой развод, любой семейный скандал артистов отражается в десятках красочных изданий. Печально, что на серьезное нет времени. Но судить это время я не хочу.

— Но вы не можете его не анализировать.

— Это чужое время, я и мои зрители чужие в нем.

— Вы со своим зрителем живете в психологическом гетто?

— Отнюдь — в психологическом гетто живут те, другие. Поймите, в том количестве конкурсов типа «Мисс бюст», в том наглом свечении казино, которые заполняют все главные артерии города, тупик. Кстати, вы обратили внимание, что на Невском проспекте вся перспектива — невская перспектива с видом на Адмиралтейство — исчезла. Она закрыта перетяжками рекламы.

— Перспектива исчезла?

— Исчезли, мне кажется, точки отсчета. Повторюсь, это не мое время.

— А время 60—70-х годов, которому вы противостояли, — разве ваше?

— Тогда все знали, чего это стоит, что нужно просто терпеть. Или не терпеть. Но все знали, как к этому относиться! А теперь...

— А теперь?

— Теперь я разбираюсь. У меня нет твердых заключений... Понимаете, есть заповеди запрета, есть заповеди добродетели. Коммунисты в своем «моральном кодексе» декларировали их, по сути они совпадали с христианской моралью — точка отсчета. В то время была точка отсчета, теперь каждый свободен сказать, что хорошо, а что плохо. Абсолютно поменялась шкала ценностей. Где докопаться до истинных?

— Может быть, в совести, на которую не должны влиять изменения строя?

— Да, конечно, но и совесть бессильна при разложении, уничтожении ценностных ориентиров. Я считаю, что когда вся жизнь состоит из «рентбельного» и «нерентабельного», происходит уничтожение духа. Уничтожение более глубинное, чем то, что было при коммунистах. Происходит перерождение.

— Вы чувствуете себя несвободным?

— Свободы мне хватало всегда, я никогда за ней не гнался искусственно. Свобода — это внутренняя, а не внешняя категория.

— Вы играете в четырех театрах и при этом гастролируете с концертами. Устаете?

— А как же. Но я никогда не работаю «и в хвост, и в гриву». И мне нужны паузы, чтобы подготовиться к следующему этапу. Порой, мне кажется, что нужна остановка. Но все равно — снова гастроли. Финансовая составляющая, о которой все так много теперь говорят, меня не интересовала и не интересует. Просто у меня такой образ жизни.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург

2.04.2008

Юрский Сергей

Музыка - 2004 - 2008 - с. 298

29